

Трунов Ф.О.¹

Ценностно-информационные аспекты внешней политики ФРГ (конец 2010-х – начало 2020-х годов)

Аннотация. В XXI в. идеологическая составляющая деятельности государства трансформировалась в ценностно-информационную. Ее значимость существенно возросла в процессе формирования перспективного миропорядка. В то же время заметно увеличились трудности в деле инкорпорирования ценностей и принципов либеральной демократии на глобальном уровне. При этом сложности стали возникать не только «вне» «коллективного Запада», но и «внутри него».

В статье исследуются кризисные явления в ценностно-информационной сфере, с которыми сталкиваются либеральные демократии, и их отражение во внешней политике ФРГ. Изучается реакция Германии на политические феномены, связанные с отходом от мультилатерализма, – Брекзит и политику Д. Трампа (трампизм). Прослеживаются ценностные аспекты взаимоотношений ФРГ с незападными державами, особенно с Россией, Китаем и Ираном в условиях углубления конфронтации Евро-Атлантического сообщества с этими государствами. Кроме того, рассматривается эволюция взаимного восприятия Германии и Египта, который в настоящее время становится значимым центром влияния в Африке. Показываются ценностные ориентиры внешнеполитической линии ФРГ во время политических кризисов или вооруженных конфликтов в ряде стран: Венесуэле,

¹ Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИИОН РАН (1 trunov@mail.ru).

Ливии и Сирии. Во всех случаях при выборе фокусного партнера ФРГ принимала во внимание атрибутивность ценностей либеральной демократии. Провалы при инкорпорировании ценностей либеральной демократии показаны на примерах Афганистана и Мали. Делается вывод о сложности продвижения ФРГ к положению полновесного глобального игрока в условиях ценностного кризиса «западных демократий» в целом.

Ключевые слова: Германия, либеральная демократия, мультилатерализм, Брекзит, трампизм, холодная война, атрибутивность.

В ходе обеих мировых войн Германия противопоставляла себя группе «западных демократий». При этом уже в межвоенный период – при Веймарской республике – предпринимались достаточно активные попытки интегрироваться в данный лагерь. Но эти попытки были половинчатыми, незавершенными. Совершенно иными по результативности оказались аналогичные усилия в «эру» К. Аденауэра. Категорически отвергнув планы по принятию нейтрального (внеблокового) статуса в увязке с немедленным объединением Германии, канцлер – основатель Боннской республики избрал последовательный курс на предельное интегрирование ФРГ в Евро-Атлантическое сообщество, инкорпорирование ценностей и принципов либеральной демократии [Архив посла ...]. Именно в этом К. Аденауэр видел гарантую создания благоприятных внешних условий для восстановления державных позиций ФРГ на долгосрочную перспективу, несмотря на то что Германия соглашалась на ряд существенных самоограничений. Пересмотр традиционного сугубо национального позиционирования ФРГ означал, что она готова «расторваться» в составе Евро-Атлантического сообщества, превратиться в элемент его многосторонних структур. Одновременно ФРГ принимала на себя достаточно жесткие обязательства по качественному и количественному лимитированию своего вновь создаваемого военного потенциала и его использованию. Еще более примечательно согласие на разделение Германии: это состояние рассматривалось как вынужденное (цена за интегрирование в Евро-Атлантическое сообщество), продолжительное, но не окончательное; считалось, что когда-нибудь это неизбежно должно закончиться. Данная схема, выработанная при К. Аденауэре, оставалась неизменной на протяжении всей холода

ной войны и сохранилась после ее окончания в 1990-х годах (за исключением пункта о разделении страны вследствие решения «германского вопроса»). Германский истеблишмент счел совершившееся урегулирование, осуществленное полностью в интересах самой ФРГ и ее партнеров из числа «западных демократий» (особенно США), очевидным подтверждением концепции К. Аденауэра. На деле, однако, успех во многом объяснялся тактикой «опережающих уступок», проводившейся руководством СССР при М.С. Горбачеве.

Интегрирование ФРГ в состав сообщества «западных демократий» стало важнейшим эпизодом в истории его расширения, заложившим основу для дальнейшего масштабного стратегического продвижения Евро-Атлантического сообщества на мировой арене. На практике данный процесс смог полноценно развернуться лишь в условиях крушения биполярного миропорядка, т.е. критического ослабления идеологии социализма как антитезы западного либерализма. Одним из символов совершившихся перемен стала работа Ф. Фукуямы «Конец истории» (1989).

К этому времени ФРГ уверенно утвердилаась в качестве одной из ведущих «западных держав» (первоначально – США, Великобритания, Франция), тем самым преобразовав их триумвират в тетрапархию. С начала XXI в. германо-французский тандем все более настойчиво позиционирует себя в качестве «ядра» западноевропейского континентального центра притяжения. В рамках такого подхода ФРГ воспринимает себя как проводника ценностей и правил либеральной демократии, а в случае необходимости – как их защитника, готового действовать при возникновении угроз с любой стороны, прежде всего *извне* НАТО и ЕС, но также и *изнутри*. Продвижение данных идей создает ценностно-информационную «оболочку» для планомерного продвижения Германии к положению полновесного глобального игрока. Соответственно, на практическом и – особенно – доктринальном уровнях внешняя политика ФРГ тесно связана с идеей распространения и укрепления принципов либеральной демократии в мире. Это означает, что успехи на данном направлении содействуют укреплению позиций

Германии, но неудачи значительно ослабляют позиции официального Берлина.

Задача статьи – исследовать ценностно-информационное измерение внешней политики ФРГ в контексте наблюдаемых кризисных проявлений либеральной демократии. Развитию последних уделяется довольно ограниченное внимание в работах экспертов из самого Евро-Атлантического сообщества, но повышенное – со стороны отечественных исследователей [Арзаманова, 2022, с. 35–47 ; Мартынов, 2021, с. 116–127]. Данная проблематика изучалась прежде всего применительно к «коллективному Западу» в целом и США в частности, в то время как ФРГ оставалась «в тени».

Статья выстроена по проблемно-географическому принципу: от позиции ФРГ внутри Евро-Атлантического сообщества к ее отношениям с незападными державами и далее – к ее активности в зонах политической турбулентности в Латинской Америке, Африке и Азии. Основные методы исследования – ивент-анализ (применительно к действиям правительства ФРГ) и сравнительный анализ.

ФРГ как защитница либеральной демократии внутри Евро-Атлантического сообщества

Во второй половине 2010-х годов официальный Берлин пережил несколько «стратегических шоков», обусловленных глубокими изменениями в политике США и Великобритании, проявлениями которых стали два феномена: трампизм и Брексит. Особенно болезненной для ФРГ оказалась одна из причин их возникновения – недовольство частичным перераспределением влияния в Евро-Атлантическом сообществе от «старых» центров влияния к Германии; кроме того, беспокойство германского истеблишмента вызвали проявленная жесткость по отношению к ФРГ, а также формы реализации нового курса: речь шла о попрании принципов либерализма со стороны держав-основателей союза «западных демократий», прежде всего об отходе от мультилатерализма в пользу унилатерализма. США при администрации Д. Трампа перешли от «мягкого» лидерства к жесткой гегемонии. По мере развития обоих феноменов ФРГ последовательно позиционировала себя в качестве защитницы ценностей и принципов

либеральной демократии. Парадоксальность ситуации состояла в том, что в данном случае государство-«ученик», инкорпорировавшее эти принципы при К. Аденауэре, отстаивало их перед своими бывшими «учителями» в лице США и Великобритании.

На обоих направлениях ФРГ перешла к тактике активной обороны. «Краеугольным камнем» ее политической линии в ценностно-информационном плане стала запущенная в августе 2018 г. инициатива по созданию «альянса в поддержку мультилатерализма». Эта идея была озвучена в концептуальной речи главы МИД Германии Х. Мааса, предложившего детальный план противодействия трампизму [Maas, 2018]. Альянс стал площадкой для консолидации международных игроков, полностью или частично разделяющих ценности либеральной демократии: состав акторов-участников выходил далеко за пределы государств – членов Евро-Атлантического сообщества. Показательно, что для встреч альянса Германия активно использовала возможности ООН (в увязке с продвижением идеи о включении ФРГ в число постоянных членов Совете Безопасности) [Maas, 2021]. Повышенное внимание в рамках деятельности альянса уделялось обеспечению свободы торговых отношений и технико-технологических обменов, т.е. противодействию протекционизму администрации Д. Трампа. С 2020 г. фокус частично сместился на выстраивание многосторонних подходов к борьбе с COVID-19 [*Ibid.*], хотя эта деятельность осложнялась явным запаздыванием ФРГ в разработке собственной вакцины.

Во время сложных переговоров с Великобританией по вопросам, связанным с Brexitом, Берлин инициировал проведение неформальных саммитов ЕС по схеме «27+0», т.е. демонстративно без участия Лондона. Эти встречи, проводившиеся часто на территории государств-евросkeptиков (в частности, Австрии) [Merkel, 2018], сыграли важную роль в выстраивании коллективной позиции государств – членов ЕС в вопросе о необходимости единой «сделки» с Соединенным Королевством и при выработке итогового документа об условиях выхода Великобритании из Евросоюза.

В рамках курса на ценностно-информационное противодействие феноменам Brexit и трампизма ФРГ активно использовала свои возможности для демонстрации преимуществ углубления

сотрудничества внутри ЕС – института, олицетворяющего наибольшее продвижение в вопросе инкорпорирования ценностей либеральной демократии. Особое значение в этом плане имел запуск программы Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны (PESCO) (2017) с участием большинства стран – участниц ЕС; уже с марта 2018 г. все ее проектные комитеты стали многонациональными по составу. Платформа PESCO предоставляла институциональную и технико-технологическую основу для создания многосторонних военных сил ЕС (сил кризисного реагирования). В военном отношении их контуры были обрисованы «интервенционистской инициативой» президента Э. Макрона [Чернега, 2019, с. 12–15], поддержанной ФРГ. Движение по пути создания сил кризисного реагирования ЕС было призвано продемонстрировать дееспособность этого объединения, в котором реализация принципа многосторонности достигла очень высокого уровня [Pressekonferenz ..., 2022b]. Важная (но не декларируемая) задача ФРГ состояла в том, чтобы не допустить противопоставления «старой» Европы (под которой прежде всего понимались континентальные западноевропейские страны) «новой» Европе (т.е. в основном восточноевропейским странам). Официальный Берлин даже существенно сократил критику некоторых особенностей политического курса ряда региональных игроков (прежде всего Польши, Венгрии), вступавших в противоречие с ценностями либеральной демократии, поскольку европейская дилемма, которую обозначил еще Дж. Буш-мл., вызывала повышенный интерес со стороны Д. Трампа.

Германия неизменно стремилась сберечь максимум из той системы договоренностей в сфере международной безопасности, которые до прихода к власти администрации Д. Трампа представляли предмет консенсуса ведущих стран – участниц Евро-Атлантического сообщества. Это касалось стремления сохранить Парижское соглашение по климату, отказа от увеличения установленного в 2014 г. обязательного уровня военных расходов (2% к 2024 г.), осуждения решения США о переносе посольства в Израиле в Иерусалим (что способствовало окончательному провалу плана по созданию полноценного Палестинского государства), имплементации

тации СВПД с ИРИ (2015) [Maas, 2018]. В последнем случае ФРГ смогла задействовать формат «евротройки», т.е. вопреки решению Д. Трампа о выходе из соглашения (2018) продемонстрировать консенсус с участием Великобритании, поскольку Соединенное Королевство считало, что сохранение СВПД (как и членство США в НАТО) отвечает интересам «коллективного Запада» в целом (эта позиция встретила полное понимание уже при администрации Дж. Байдена). Однако сотрудничество Германии и Великобритании по сохранению СВПД при всей его важности было лишь частным эпизодом и отнюдь не означало, что со стороны Лондона пропал скепсис по поводу роста влияния ФРГ.

Именно стремление «сдержать» рост влияния ФРГ стало одной из причин того, что Соединенное Королевство при поддержке уже администрации Дж. Байдена инициировало стратегическую перегруппировку ресурсов (особенно на Дальнем Востоке): основанное 15 сентября 2021 г. военно-политическое объединение AUKUS (в составе Австралии, Великобритании, США), как и образованная 24 июня 2022 г. неформальная группа «Partners in the Blue Pacific» (созданная указанным триумвиратом, Новой Зеландией и Японией), де-факто были площадками *недружественного мультилатерализма* по отношению к Германии (и Франции). В данном случае весьма показательно отсутствие положительной реакции каждой из держав тандема (а в случае Пятой республики – открытая критика) при запуске AUKUS.

Администрация Дж. Байдена уже в первые недели своей работы декларировала, что США возвращаются к прежней приверженности ценностям либеральной демократии – принципам многосторонности и идеям обеспечения традиционного набора прав человека, общества и государства. Приветствуя данный факт, правительство Германии 11 мая 2021 г. приняло Белую книгу по мультилатерализму – концептуальный документ, подтверждавший необходимость безусловного следования указанным принципам [A multilateralism ..., 2021]. Декларация, подписанная лидерами ФРГ и США 15 июля 2021 г. в Вашингтоне, оформила согласие обеих держав в этом вопросе [Pressekonferenz ..., 2021].

Что же представляли собой на этом фоне создание AUKUS (15 сентября 2021 г.) и принятное полугодом ранее (13 апреля 2021 г.) без консультаций с партнерами по НАТО решение США о полном свертывании своего военного присутствия в Афганистане в рамках миссии «Resolute Support»? В обоих случаях США ставили собственные интересы и интересы своих самых близких партнеров (прежде всего Великобритании) выше многосторонних интересов других стран «коллективного Запада», в том числе ФРГ. Иными словами, уже при администрации Дж. Байдена США – в рамках перехода к мягкой гегемонии – как минимум в двух стратегических вопросах весьма избирательно использовали принципы мультилатерализма. На официальном уровне Германия реагировала на это достаточно сдержанно. Во-первых, после «ледникового периода» в течение президентства Д. Трампа официальный Берлин стремился не допустить новой деградации диалога с США. Во-вторых, Белый дом при Дж. Байдене, ставя собственные интересы выше многосторонних, все же облекал эти шаги в мягкие формы, де-юре декларируя приверженность мультилатерализму.

Тем не менее по сравнению с США подход ФРГ к мультилатерализму в сфере безопасности и обороны в целом был более «чистым», практически без малейшей примеси унилатерализма. Следует подчеркнуть, что такой подход был характерен для ФРГ не только во время работы администрации Д. Трампа (когда он был выражен предельно отчетливо), но и до этого (в частности, при Б. Обаме), а также и после – при Дж. Байдене. Хорошой иллюстрацией высказанного являются особенности участия ФРГ и США в развертывании объединенных группировок НАТО, комплектуемых (в абсолютном большинстве случаев) на ротационной основе.

Во-первых, Соединенные Штаты почти никогда не выделяли войсковые подразделения (кроме морской компоненты) в состав сил быстрого реагирования Альянса (NATO Response Force, NRF), задействованных преимущественно в глубине зоны ответственности НАТО в Европе. Расположенные в Италии, Великобритании, в самой Германии достаточно крупные контингенты США взаимодействовали с NRF (особенно в ходе учений), но не передавались в

их состав. Напротив, ФРГ полноценно участвовала в комплектовании NRF в рамках своей очередности совместно с Нидерландами (используя двусторонние воинственные механизмы) и Норвегией. Бундесвер стремился предельно активно участвовать в развертывании соединения сверхповышенной боевой готовности – «острия копья» сил быстрого реагирования НАТО [Germany steps ..., 2019].

Во-вторых, интересна структура сил передового развертывания Альянса (NATO Forward Presence Force, FPF) в Восточной Европе. Одна из двух компонент FPF – группировка Соединенных Штатов в национальном качестве, де-юре считающаяся частью объединенных сил, другая – многосторонние части, вклад США в комплектование которых невелик. Данная структура была создана при администрации Б. Обамы, не подверглась существенным изменениям при Д. Трампе, а при Дж. Байдене ее характерной особенностью стал количественный рост, но отнюдь не качественная реорганизация [Fact sheet ..., 2022]. Так, по состоянию на конец июня 2022 г. в составе восьми многонациональных батальонных тактических групп (БТГ) сил передового развертывания НАТО численность военных США составляла 12,0% от общего состава, а ФРГ – 13,6% (рассчитано автором на основе: [NATO's forward ..., 2022]), при этом ФРГ вносила ведущий вклад в комплектование сразу двух БТГ (в Литве и Словакии), а США – только одной (в Польше) [Ibid.]. 7 июня 2022 г. канцлер ФРГ О. Шольц озвучил прецедентное решение о реорганизации многосторонней БТГ в Литве в бригаду [Pressekonferenz ..., 2022b]. В свою очередь, США осуществили развертывание еще одной бригады (в дополнение к имеющейся) в национальном качестве [Fact sheet ..., 2022]. Решение ФРГ от июня 2022 г. было частью плана официального Берлина по превращению бундесвера в крупнейшие конвенциональные ВС среди европейских стран – участниц НАТО с принятием функций «рамочной нации» при комплектовании многосторонних группировок Альянса [Pressekonferenz ..., 2022 b].

Представленные примеры в сфере строительства вооруженных сил на практике отражают стремление ФРГ соответствовать роли ведущего государства – участника «Альянса в поддержку мультилатерализма», де-факто отстаивающего принципы мульти-

латерализма перед США даже после окончания президентства Д. Трампа.

Ценностный аспект взаимоотношений с незападными державами

Позиционируя себя как органичную часть Евро-Атлантического сообщества, официальный Берлин критически воспринимает государства, не готовые к полноценному инкорпорированию ценностей либеральной демократии. Вместе с тем степень «жесткости» при восприятии этих акторов и при разработке мер по их стимулированию к внутренним переменам у ФРГ заметно ниже, чем у США и Великобритании, а уровень pragmatизма, напротив, выше. Так, несмотря на существенные ценностные разнотечения, Германия выступила в поддержку «ядерной сделки» с Ираном и поддерживала контакты с Китаем, в том числе в формате межправительственных консультаций. Но это отнюдь не означает, что Берлин свободен от идеологической «зашоренности»: с той или иной степенью жесткости он относит Россию, Китай и Иран к «авторитарным режимам» [Baerbock, 2022]. Неизменным пунктом критики является несоблюдение прав человека в этих государствах: соответствующие заявления ФРГ делает как от своего имени, так и от имени Евро-Атлантического сообщества в целом [Erklärung ..., 2021]. Жесткость перцепции резко возросла с приходом к власти «светофорного» правительства О. Шольца, в котором главой МИД стала А. Бербок от партии «Зеленых» (см., напр.: [Erklärung ..., 2021 ; Baerbock, 2022]). Все более сближая позиции с принципиальными установками Демократической партии США (как «старшего партнера»), А. Бербок выступает за активизацию деятельности ФРГ в деле защиты либеральных ценностей на международной арене. Очевидным следствием продвижения по этому пути будет повышение идеологической составляющей и, соответственно, снижение уровня pragmatизма во внешней политике.

Рассматриваемые изменения хронологически совпали с подключением Германии к «сдерживанию» КНР, а также с заметным ужесточением конфронтации ФРГ (как части Евро-Атлантического сообщества) с Россией. Тем самым Берлин продемонстрировал заинтересованность в выстраивании полноценного ценностно-

информационного измерения при «сдерживании» указанных незападных держав, что нашло отражение в новой стратегической концепции НАТО, принятой на Мадридском саммите (28–30 июня 2022 г.) [NATO 2022 ..., 2022].

В своей концептуальной речи от 27 февраля 2022 г. О. Шольц выразил негодование по поводу начала специальной военной операции РФ на Украине. Замалчивая многочисленные эпизоды проявления неонацизма со стороны официального Киева, он приветствовал Украину как страну, пытавшуюся инкорпорировать ценности «либеральной демократии», а потому нуждающуюся в поддержке Евро-Атлантического сообщества. На четвертый (!) день с момента начала специальной военной операции Берлин обозначил вполне конкретные планы по усилению бундесвера в контексте «сдерживания» РФ [Regierungserklärung ..., 2022]. Очевидно, что эти планы не могли быть разработаны за столь короткий срок, т.е. события 24 февраля 2022 г. были использованы, чтобы в контексте ужесточения ценностно-информационного восприятия незападных держав озвучить давно подготовленные проекты по наращиванию военной мощи.

Вслед за властями США и Великобритании истеблишмент ФРГ отказывается считать «демократичными» страны, имеющие любой тип политической культуры, отличный от присущего Евро-Атлантическому сообщству.

По вопросу борьбы с терроризмом следует отметить, что страны «коллективного Запада» в полной мере ощутили опасность укрепления ИГ* и близких к нему группировок в 2015–2016 гг., когда ЕС захлестнула мощная волна неконтролируемой миграции и одновременно резко возросла террористическая активность на его территории. Это спровоцировало системный кризис внутри объединения, с очевидностью продемонстрировавший ограниченность возможностей стран либеральной демократии в борьбе с мощными неклассическими угрозами безопасности и выявивший наличие существенных разногласий между странами – участниками ЕС. Де-факто именно действия РФ и ИРИ в Сирии сыграли решающую роль в разрешении кризисной ситуации 2015–2016 гг. Но это не привело к более тесной координации усилий Евро-Атлан-

тического сообщества с Россией и Ираном в борьбе с ИГ* и его союзниками. Более того, страны «коллективного Запада», включая ФРГ, постарались искусственно обособить иракский ТВД от сирийского, несмотря на то что по сути они представляли собой единое целое («ядро» ИГ* находилось в сопредельных приграничных районах этих двух государств).

Действия «коллективного Запада», противоречащие логике общей борьбы с международным терроризмом, во многом объяснялись идеологической «зашоренностью». Евро-Атлантическое сообщество стремилось не допустить существенного усиления позиций РФ и ИРИ и не собиралось отказываться от проектов по выстраиванию «демократичных» политических систем в Сирии и Ираке, основанных на инкорпорировании ценностей и принципов либеральной демократии [Antwort ..., 2021, S. 2–6]. Но данная политическая линия нанесла существенный урон и самой Германии, и ее партнерам по ЕС и НАТО. На территории САР объединенная коалиция России, официального Дамаска и Ирана сумела добиться перелома в борьбе с международным терроризмом, что сопровождалось постепенным, но неуклонным сокращением присутствия здесь западных стран: так, в военном отношении ФРГ свернула свою активность в САР к 2022 г. [Antrag ..., 2022, S. 1–4]. В Ираке, где в основном концентрировались усилия II западной антитеррористической коалиции, напротив, в начале 2020-х годов наблюдалось восстановление позиций ИГ*.

В октябре 2021 г. в Ираке прошли парламентские выборы, проведению которых Евро-Атлантическое сообщество уделяло повышенное внимание, прежде всего как катализатору принятия этой страной ценностей либеральной демократии. Выборы завершились победой ориентированных на Иран сил. Парадокс состоял в том, что демократический механизм естественного обновления законодательского собрания – «сердца» либеральной демократии – привел к власти силы, ориентированные не на Запад, но на Иран. Это доказывало, что обычные иракцы воспринимают в качестве гаранта национальной безопасности и стабильности именно Иран, а не страны Евро-Атлантического сообщества. Показатель-

но, с каким значительным опозданием Германия признала результат этих выборов [Antrag ..., 2022, S. 5].

Интересно рассмотреть политическую линию ФРГ в случае Египта – одной из ведущих держав Африки. В период «арабской весны» официальный Берлин признал легитимными (т.е. демократическими) президентские выборы в Египте (2012), на которых победу одержал выдвиженец от «Братьев-мусульман»* М. Мурси. Более того, германская сторона постаралась выстроить полноценный диалог с новыми властями Египта [Raum ..., 2013], рассчитывая, что они пересмотрят свои весьма радикальные предшествующие установки. Однако этого не произошло, и уже на следующий год германо-египетский диалог начал демонстрировать признаки деградации. Тем не менее руководство ФРГ с большой настороженностью отнеслось к египетским военным во главе с фельдмаршалом А.-Ф. Ас-Сиси, пришедшим к власти силовым путем в 2013 г.: по канонам либеральной демократии, силовой захват власти апприори делал такую власть антидемократической.

Восприятие начало меняться после президентских (завершившихся уверенной победой действующего главы Египта) и парламентских выборов, проходивших в конце мая 2014 г. [Pressekonferenz ..., 2015]. В 2015–2017 гг. германо-египетский диалог вновь активизировался и значительно расширился после новых президентских выборов (конец мая 2018 г.), по итогам которых А.-Ф. Ас-Сиси был переизбран. Иллюстрацией того, что диалог ФРГ и АЕ вышел на новый уровень, может служить их совместная инициатива по созыву прецедентного саммита Европейский союз – Лига арабских государств 25 февраля 2019 г. [Treffen ..., 2019]: таким образом официальный Берлин в согласии с Каиром не просто трансконтинентально продвигал принцип мультилатерализма, но и обеспечивал рост международной дееспособности ЕС во время завершающей фазы переговоров по Brexit и «ледникового периода» в отношениях ЕС (и особенно с ФРГ) с администрацией Д. Трампа. Тем не менее некоторые парламентские силы ФРГ (прежде всего «Зеленые») продолжали считать, что выстроенная в Египте при А.-Ф. Ас-Сиси вертикаль власти не обладает нужным

уровнем демократичности: в частности, выборы президента в АРЕ (2014; 2018) проходили с участием лишь двух кандидатов.

Несмотря на это, официальный Берлин, прежде всего при «поздней» А. Меркель, но также и при О. Шольце, когда в правительство вошли «Зеленые», рассматривал Египет в качестве успешно демократизирующейся страны [Pressekonferenz ..., 2022a] и стремился к установлению с АРЕ стратегического партнерства. Благожелательному восприятию Египта со стороны ФРГ способствовала готовность Каира воспринимать Берлин как старшего партнера в сфере безопасности и обороны, а также дружественность правительства А.-Ф. Ас-Сиси по отношению к «западным демократиям» в целом.

Вместе с тем сближение Египта с Германией и с Евро-Атлантическим сообществом в целом, особенно в ценностно-информационной сфере, возможно лишь в определенных границах. «Ограничителем» служит, в частности, характерное для политической культуры Египта (и Востока в целом) стремление А.-Ф. Ас-Сиси к предельному расширению возможностей для пролонгации своих полномочий [Miehe, Roll, 2019] (хотя в самой ФРГ отсутствует ограничение по числу сроков для занятия поста канцлера и А. Меркель четырежды занимала этот пост). Возникающие противоречия могут быть сняты лишь в том случае, если со стороны Германии во взаимоотношениях с Египтом прагматические аспекты возобладают над ценностно-информационными. ФРГ не может не учитывать того, что Египет занимает важное стратегическое трансконтинентальное положение, оказывает влияние на обстановку в Северной Африке, в районе Африканского рога и на Ближнем Востоке, а также обладает значительной ресурсной базой (более 100 млн населения и 500 тыс. достаточно хорошо оснащенных ВС) в сочетании с высоким уровнем внутренней устойчивости, достигнутым при А.-Ф. Ас-Сиси [Pressekonferenz ..., 2022a].

Наконец, нельзя не упомянуть о том, что исключительно значимым вопросом внешней политики ФРГ остается проблема, связанная с обретением постоянного места в Совете Безопасности ООН [Reform ..., 2022]. С начала 2000-х годов Германия продвигается к этой цели в составе так называемой большой четверки «восхо-

дящих» держав (G4: Германия, Япония, Индия, Бразилия), заинтересованных в перекрестной поддержке. При формировании G4 ФРГ прошла «между Сциллой и Харибдой» – невозможностью ограничиться поиском партнеров лишь в пределах «коллективного Запада» и невозможностью объединиться с державами, существенно дистанцирующимися от государств – адептов либеральной демократии. Сотрудничество с Японией было вполне логично: это не просто партнер по «коллективному Западу», но игрок, который, подобно самой Германии, стремился посредством инкорпорирования ценностей либеральной демократии дистанцироваться от прошлой агрессивной роли во Второй мировой войне. Индия и Бразилия, которые после деколонизации продолжали в той или иной степени опираться на демократические ценности, хотя и не относятся к числу «западных демократий», но воспринимаются на Западе как «молодые демократии». Вместе с тем во взаимоотношениях ФРГ с остальными членами G4 прагматизм не менее значим, чем ценностные аспекты: так, в президентство Ж. Болсонару в германо-бразильских отношениях наблюдалось значительное охлаждение, однако вопрос координации усилий по достижению регулярного представительства в Совете Безопасности неизменно оставался актуальным.

Ценностный аспект движения к урегулированию в зонах нестабильности: в погоне за атрибутивностью?

В составе Евро-Атлантического сообщества ФРГ неоднократно участвовала в урегулировании различных вооруженных конфликтов. Но при этом во многих случаях в зонах нестабильности происходила деградация обстановки; в других случаях продвижение к устранению причин организованного насилия сопровождалось вытеснением западных акторов местными (внутристрановыми) силами. В этом отношении весьма показателен случай Афганистана, где в условиях наступления «Талибана»* весной летом 2021 г. США, ФРГ и другие страны «коллективного Запада» были вынуждены экстренно эвакуировать свои воинские контингенты. В Мали, где к власти пришли местные военные, недовольные качеством и объемом помощи со стороны стран Запада, были демонтированы практически все механизмы западного военного

присутствия – миссии Франции («Barkhane»), ЕС («Takuba», а де-юре также EUTM Mali), за исключением лишь миротворческой миссии ООН (MINUSMA). По мнению автора, одна из фундаментальных причин отмеченных неудач – ошибочность стратегии и тактики по укоренению ценностей либеральной демократии на политической почве стран и территорий, исторически развивавшихся совершенно иначе, чем западные государства. Данные различия наиболее заметны на Ближнем и Среднем Востоке [Звягельская, 2017] и в северной части Африки (Северная Африка, Африканский Рог и Сахаро-Сахельский регион).

Для ФРГ наиболее важным критерием при выборе фокусных партнеров в стране, пережившей внутриполитический кризис (особенно в случае его перерастания в вооруженный конфликт), является их связь с парламентом – «сердцем» демократии. При этом формы связи с законодательной ветвью власти могут быть совершенно различны. К примеру, еще на ранних стадиях нарастания внутренней напряженности в Венесуэле (наиболее острый этап: январь – апрель 2019 г.) Германия поддержала спикера Национальной ассамблеи Х. Гуайдо [Auswärtiges Amt ..., 2018]. В Ливии в условиях гражданской войны между Правительством национального согласия (ПНС), базирующимся в Триполи, и Ливийской национальной армией (ЛНА), опирающейся на Бенгази, ФРГ оказывала поддержку именно ПНС. В Сирии с 2012 г. Германия стала одним из внешних кураторов Национальной коалиции сирийских оппозиционных и революционных сил (ETILAF), выстроенной в соответствии с принципами либеральной демократии: носителем власти считается Генеральное собрание, которое каждые полгода назначает президента и трех вице-президентов (с возможностью переизбрания) [Antwort ..., 2021, S. 3–4].

Однако при этом ФРГ сталкивается с двумя принципиальными проблемами. Меньшая из них состоит в том, что оппонент фокусного партнера Германии либо контролирует часть того же парламента (ориентированная на президента Н. Мадуро значительная часть депутатского корпуса Национальной ассамблеи Венесуэлы избрала нового спикера, альтернативного Х. Гуайдо), либо опирается на альтернативное законодательное собрание (ЛНА

Х. Хафтара обеспечила функционирование парламента и правительства в Тобруке, альтернативных ПНС; в Дамаске успешно работает Народный совет Сирии (Меджлис аш-Шааб), поддерживающий постоянный контакт с действующим правительством и президентом Б. Асадом). Большой проблемой является то, что в условиях раскола общества легитимность фокусного партнера ФРГ вообще является спорной.

Так, в Венесуэле практически вся территория страны контролируется официальными властями во главе с Н. Мадуро и его сторонниками, а оппозиция по большей части действует вне страны. Косвенным признанием этого факта стали отказ официального Берлина наделить эмиссара Х. Гуайдо статусом посла [Bundesregierung ..., 2019], а также сохранение дипломатических отношений с официальным Каракасом (хотя последний объявил чрезвычайного и полномочного посла ФРГ персоной нон грата). В Ливии ЛНА обладала как минимум сопоставимым с ПНС влиянием, и именно успешное наступление ЛНА было одним из факторов, стимулировавших Германию ускорить запуск Берлинской конференции по Ливии [Einigung ..., 2020]. Наконец, в Сирии именно официальный Дамаск, а не «умеренная» оппозиция является наиболее влиятельным игроком и вносит основной вклад в очищение страны от международного терроризма. В данном случае одним из признаков вынужденного признания такого положения дел со стороны ФРГ является сохранение посольства Сирии в Берлине (наряду с функционированием большого представительства ETILAF; хотя следует подчеркнуть, что процедура отбора депутатов Генерального собрания ETILAF остается спорной, так как не охватывает большинство сирийского населения) [Antwort ..., 2021, S. 3–4]. Кроме того, ФРГ фактически свернула свою деятельность в «Группе друзей Сирии» (ГДС; активно функционировала в 2012–2015 гг.), представлявшей собой площадку для осуждения властей САР и координации многосторонней разноплановой поддержки, которая оказывалась «умеренной» оппозиции. Реакцией на успешную деятельность «Астанинского треугольника» стало образование в 2018 г. так называемой Малой группы по Сирии (Великобритания, Германия, Египет, Иордания, Саудовская Аравия,

США, Франция), в рамках которой жесткость восприятия официального Дамаска была уже существенно меньше, чем в ГДС [Pressekonferenz ..., 2018]. Соответственно, во всех случаях уровень общественной поддержки у фокусных партнеров ФРГ был существенно ниже, чем у их оппонентов.

В Ливии ПНС оказывало противодействие местным ячейкам «Аль-Каиды»* и ИГ* в существенно меньшей степени, чем ЛНА. В Сирии были отмечены многочисленные случаи вступления военизированных формирований «умеренной» оппозиции в симбиотические связи с ИГ* и особенно – с «Джебхат ан-Нусрой»* (отряды которой сложно отделить от отрядов «Свободной сирийской армии» (ССА)). Союз ССА и «Джебхат ан-Нусры»* укрепился в провинции Идлиб, куда в результате наступления войск официально-го Дамаска, действовавших при поддержке России и Ирана, отошли остатки террористических группировок и значительная часть ССА [Манойло, 2020]. Поддержка этих группировок не только со стороны Турции и США, но и со стороны ФРГ, затягивает решение «идлибской проблемы» и достижение урегулирования в Сирии в целом.

По мнению автора, идеологическая составляющая политики ФРГ и ее партнеров по ЕС и НАТО вступила в противоречие с объективными требованиями обеспечения их собственной безопасности и обороны. Стремление к предельному инкорпорированию ценностей либеральной демократии в Ливии и Сирии кажется чрезмерным. Те силы, на которые делалась ставка – «умеренная» оппозиция в САР, ПНС в Ливии, – оказались не способны эффективно противостоять натиску радикальных незаконных вооруженных формирований (НВФ), а значит, стать «несущей конструкцией» перспективной государственной архитектуры. В обоих случаях единственным путем урегулирования конфликта и восстановления стабильности является переход к кооперативной схеме безопасности с полноценным участием незападных держав. ФРГ сделала некоторые шаги в данном направлении (проведение переговоров по Сирии с участием РФ в Стамбуле в октябре 2018 г. [Pressekonferenz ..., 2018], активное подключение России к подготовке и проведению Берлинской конференции по Ливии в январе

2020 г. [Einigung ..., 2020]), но дальнейшего продвижения по этому пути не последовало. Идеологическая позиция ФРГ и ее партнеров по ЕС и НАТО стала одной из причин «подвисания» «идлибской проблемы» и срыва назначенных еще на декабрь 2021 г. общеливийских президентских выборов. При этом следует отметить, что сохранение радикальных НВФ в Идлибе и сохранение переходной (не обладающей нужной легитимностью) власти в Ливии атрибутивно противоречит принципам либеральной демократии.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что достаточно часто приверженность ФРГ принципам либеральной демократии создает существенные препятствия для реализации ее амбиций на пути продвижения к положению полновесного глобального игрока. Основная проблема – растущее отторжение многих ценностей либеральной демократии со стороны широкого круга международных акторов. На практике вариативность жизнеспособных форм демократии увеличивается. Де-факто и особенно де-юре неготовность к принятию подобного положения дел ставит ФРГ в трудное положение, лишая возможности добиться необходимой поддержки или как минимум нейтрально-взвешенного отношения со стороны незападных держав при реализации своих целей.

Следует подчеркнуть, что именно в Германии современные конфронтации Евро-Атлантического сообщества с Россией и Китаем, проблемный диалог с Ираном содержат чрезвычайно весомую ценностно-информационную компоненту. Однако многие страны, стремящиеся перейти на путь постконфликтного развития, не готовы делать это посредством инкорпорирования либерально-демократических принципов «коллективного Запада», что проявляется, в частности, во все более критическом восприятии ФРГ с их стороны.

Меньшая проблема для официального Берлина – критическая перцепция Германии как центра распространения либерально-демократических идей со стороны самих «западных демократий». Германия достаточно умело сочетает принципы либеральной де-

мократии с национальными интересами, притом с преимуществом в пользу последних, что вызывает растущее беспокойство со стороны их партнеров, таких как Великобритания и Польша.

Литература/References

Арзаманова Т.В. (2022). «Техасский холдем» : переход от матрицы стратегической стабильности к новым основам миропорядка // Актуальные проблемы Европы / ИНИОН РАН. – Москва. – № 1. – С. 30–57 [Arzamanova T.V. (2022). «Texas hold'em» : transition from the strategic stability matrix to the new framework of the world order [«Tekhasskii kholdem» : perekhod ot matritsy strategicheskoi stabil'nosti k novym osnovam miroporyadka] // Current problems of Europe / INION RAS. – Moscow. – N 1. – P. 30–57] (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2022.01.02.

Архив посла А.И. Степанова. [1992–1999?] / Отдел Европы и Америки. ИНИОН РАН. – Москва. – Фонд 1, Опись 2, Дело 44. – Лист 89-о. [The Archive of the Ambassador A.I. Stepanov [Arkhiv posla A.I. Stepanova]. [1992–1999?] / Department of Europe and America. INION RAS. – Moscow. – Fund 1, Inventory 2, Case 44. – P. 89-о] (In Russian).

Звягельская И.Д. (2017). Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке – невыносимая хрупкость бытия // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. – Москва. – № 2. – С. 97–109 [Zvyagelskaya I.D. (2017) Sovereignty and Statehood in the Middle East – the unbearable fragility of being [Suverenitet i gosudarstvennost' na Blizhnem Vostoke – nevynosimaya khrupkost' bytiya] // Outlines of global transformations : politics, economics, law. – Moscow. – N 2. – P. 97–109] (In Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-2-97-109.

Манойло А.В. (2020). Конфликт в Сирии и внешняя политика России // Актуальные проблемы Европы / ИНИОН РАН. – Москва. – № 2. – С. 145–172 [Manoilo A.V. (2020). Conflict in Syria and Russian foreign policy activism [Konflikt v Sirii i vnesmyaya politika Rossii] // Current problems of Europe / INION RAS. – Moscow. – N 2. – P. 145–172] (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2020.02.06.

Мартыянов В.С. (2021). В поисках другого мейнстрима // Полис. – Москва. – № 4. – С. 112–131. [Martyanov V.S. (2021). In search of another mainstream [V poiskakh drugogo meinstrima] // Polis. – Moscow. – N 4. – P. 112–131] (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2021.04.09.

Чернега В.Н. (2019). ЕС и инициатива Э. Макрона относительно «европейской армии» // Европейская безопасность : события, оценки, прогнозы. – Москва. – Выпуск 52 (68). – С. 10–15. [Chernega V.N. (2019). The EU and E. Macron's initiative regarding the «European army» [ES i initsiativa

E. Makrona otnositel'no «evropeiskoi armii»] // European security : events, assessments, forecasts. – Moscow. – Vol. 52 (68). – P. 10-15] (In Russian).

A multilateralism for the people : Federal Government White Paper. (2021) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 11.05. – 150 p. – URL: <https://web.archive.org/web/20221105173458/https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2460320/0e29e9a0f2c3b9af9a4268ba913f26a9/weissbuch-multilateralismus-datta.pdf> (date of access: 10.12.2022).

Antrag der Bundesregierung : fortsetzung des Einsatzes bewaffneter deutscher Streitkräfte – Stabilisierung sichern, Wiedererstarken des IS verhindern, Versöhnung in Irak fördern. (2022) / Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. – Berlin. – 12.01. – 12 S. – (Drucksache 20/408). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/004/2000408.pdf> (date of access: 10.12.2022).

Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Dr. A. Friesen, A.-P. Hampel, Dr. R. Hartwig, weiterer Abgeordneter und der Fraktion der AfD (Drucksache 19/30782) : Förderung syrischer Oppositionsgruppierungen durch die Bundesregierung. (2021) / Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. – Berlin. – 27.07. – 8 S. – (Drucksache 19/31781). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/317/1931781.pdf> (date of access: 10.12.2022).

Auswärtiges Amt zur Befassung des IStGH mit der Situation in Venezuela. (2018) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 25.10. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/venezuela-istgh-oas/2153464> (date of access: 10.12.2022).

Baerbock A. (2022). Rede bei der Auftaktveranstaltung zur Entwicklung einer Nationalen Sicherheitsstrategie / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 18.03. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/baerbock-nationale-sicherheitsstrategie/2517738> (date of access: 10.12.2022).

Bundesregierung erkennt Guaidó-Gesandten nicht als Botschafter an. (2019) // Die Zeit. – Berlin. – 27.03. – URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2019-03/bundesregierung-juan-guaido-diplomat-venezuela-botshafter> (date of access: 10.12.2022).

Einigung auf Berliner Libyen-Konferenz erzielt : Waffenruhe für Libyen. (2020) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 19.01. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310> (date of access: 10.12.2022).

Erklärung der G7-Außenminister zu den Wahlen zum Hongkonger Legislativrat. (2021) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 20.12. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/2502738/> (date of access: 10.12.2022).

Fact sheet : US defense contributions to Europe. (2022) / US Department of Defence. – Washington, D.C. – 29.06. – URL: <https://www.defense.gov/News Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (date of access: 10.12.2022).

Germany steps up to lead NATO high readiness force. (2019) / NATO. – Brussels. – 01.01. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_161796.htm?selectedLocale=en (date of access: 10.12.2022).

Maas H. (2018). Für eine Allianz der Multilateralisten / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 27.08. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-allianz-multilateralisten/2129908> (date of access: 10.12.2022).

Maas H. (2021). Eröffnungserklärung bei der Veranstaltung «Alliance for Multilateralism : Shaping our Common Agenda». (2021) / Auswärtiges Amt. – New York. – 23.09. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/2484102> (date of access: 10.12.2022).

Merkel A. (2018). Pressestatement nach dem informellen Treffen des Europäischen Rates / Bundeskanzleramt. – Salzburg. – 20.09. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/pressestatement-von-bundeskanzlerin-merkel-nach-dem-informellen-treffen-des-europaeischen-rates-1522564> (date of access: 10.12.2022).

Miehe L., Roll S. (2019). Drei Szenarien zur Entwicklung des Sisi-Regimes in Ägypten / SWP. – Berlin. – 22.03. – URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2019A17/> (date of access: 10.12.2022). DOI: 10.18449/2019 A17.

NATO 2022 strategic concept. (2022) / NATO. – Madrid. – 29.06. – 13 p. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (date of access: 10.12.2022).

NATO's forward presence. (2022) / NATO. – Brussels. – 3 p. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/2206-fact-sheet_efp_en.pdf (date of access: 10.12.2022).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem ägyptischen Präsidenten Abd al-Fattah al-Sisi. (2015) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 03.06. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-aegyptischen-praesidenten-abd-al-fat-tah-al-sisi-844840> (date of access: 10.12.2022).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, Präsident Erdogan, Präsident Putin und Präsident Macron zur Lage in Syrien. (2018) / Bundeskanzleramt. – Istanbul. – 27.10. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-praesident-erdogan-praesident-putin-und-praesident-macron-zur-lage-in-syrien-1542886> (date of access: 10.12.2022).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Biden. (2021) / Bundeskanzleramt. - Washington, D.C. - 15.07. - URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-biden-am-15-juli-2021-1942814> (date of access: 10.12.2022).

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem Präsidenten der Arabischen Republik Ägypten Abdel Fattah Al-Sisi. (2022a) / Bundeskanzleramt. - Berlin. - 18.07. - URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-dem-praesidenten-der-arabischen-republik-aegypten-abdel-fattah-al-sisi-am-18-juli-2022-in-berlin-2063132> (date of access: 10.12.2022).

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz, dem Präsidenten von Litauen Nausėda, der Ministerpräsidentin von Estland Kallas und dem Ministerpräsidenten von Lettland Karīņš. (2022b) / Bundeskanzleramt. - Vilnius. - 07.06. - URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-dem-praesidenten-von-litauen-nauseada-der-ministerpraesidentin-von-estland-kallas-und-dem-ministerpraesidenten-von-lelland-karins-am-7-juni-2022-in-wilna-2048428> (date of access: 10.12.2022).

Raum für demokratische Kräfte schaffen. (2013) / Bundeskanzleramt. - Berlin. - 31.01. - URL: <https://web.archive.org/web/20220621105624/https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/raum-fuer-demokratische-kraefte-schaffen-377804> (date of access: 10.12.2022).

Reform des Sicherheitsrats der Vereinten Nationen. (2022) / Auswärtiges Amt. - Berlin. - 14.01. - URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/internationale-organisationen/uno/05-reform-sicherheitsrat/205630> (date of access: 10.12.2022).

Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz. (2022) / Bundeskanzleramt. - Berlin. - 27.02. - URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356> (date of access: 10.12.2022).

Treffen in Sharm el-Sheikh : EU und Arabische Liga vertiefen Zusammenarbeit. (2019) / Bundeskanzleramt. - Berlin. - 25.02. - URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/eu-und-arabische-liga-vertiefen-zusammenarbeit-1583002> (date of access: 10.12.2022).

Trunov Ph.O.¹

Value and information aspects of the FRG foreign policy (late 2010s – early 2020s)

Abstract. In the XXIst century, the ideological component of state activity has been transformed into the value and information component. Its importance has increased significantly in the process of forming a new world order. At the same time, the difficulties in incorporating values and principles of liberal democracy on the global level have increased significantly. Moreover, difficulties have emerged not only outside the «collective West» but also within it.

The paper examines the value and information crises facing liberal democracies and their reflection in the foreign policy of the Federal Republic of Germany. It examines Germany's reaction to the political phenomena associated with the departure from multilateralism – Brexit and the policies of Donald Trump (Trumpism). The value dimensions of Germany's relations with non-Western powers, especially Russia, China and Iran, are traced, as the Euro-Atlantic community's confrontation with those states deepens. Furthermore, the evolution of the mutual perception between Germany and Egypt, which is emerging as a significant centre of influence in Africa, is examined. The author shows the value orientations of German foreign policy during political crises or armed conflicts in several countries: Venezuela, Libya and Syria. In all cases, the attributes of liberal democratic values were taken into account by the FRG when choosing a focal partner. Failures in the incorporation of liberal democratic values are illustrated by the examples of Afghanistan and Mali. The conclusion is drawn on the difficulty of moving the FRG to a position of a full-fledged global player in the context of the value crisis of the «Western democracies» as a whole.

Keywords: Germany, liberal democracy, multilateralism, Brexit, Trumpism, Cold War, attribution.

Статья поступила в редакцию (Received) 11.12.2022.

Доработана после рецензирования (Revised) 20.12.2022.

Принята к публикации (Accepted) 23.12.2022.

¹ Trunov Philipp Olegovich – Ph.D. in Political Sciences, Leading Researcher, INION RAS (1 trunov@mail.ru).